

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

В. Штрик

Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма¹

Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно

Штрик Вольфганг — почётный директор Института изучения общества им. М. Планка. Адрес: Германия, 50676, г. Кёльн, ул. Паульштрассе, д. 3.

Email: streeck@mpifg.de

Перевод с немецкого
Ильи Женина

Научный редактор
перевода Мария Добрякова

Публикуется с разрешения
Издательского дома
ВШЭ

Выдающийся немецкий экономический социолог Вольфганг Штрик анализирует истоки последних кризисов — финансового, налогового и экономического, рассматривая их как часть длительной неолиберальной трансформации послевоенного капитализма, начавшейся в 1970-х гг. Обращаясь к выдвинутым в то время теориям кризиса, он рассматривает последующие противоречия и конфликты между государствами, правительствами, избирателями и капиталистическими интересами — процесс, в ходе которого основное внимание в европейской системе государств сместилось с налогообложения через долг к бюджетной «консолидации». Исследование заканчивается обзором перспектив восстановления социальной и экономической стабильности.

Журнал «Экономическая социология» публикует выдержки из первой главы книги «От кризиса легитимации к фискальному кризису», в которой представлен краткий обзор взаимосвязей между финансовым кризисом, кризисом налоговой системы и кризисом роста. Автор разбирается с вопросом, почему хитросплетение этих взаимосвязей до сих пор является непосильной загадкой как для любого кризисного менеджмента, так и для политиков. Также автор пытается понять, почему теории 1970-х гг., заявлявшие о надвигающемся «кризисе легитимации» «позднего капитализма», оказались не в силах предвидеть тех социальных трендов, которые в последующие десятилетия опровергли все высказанные в этих теориях предположения.

Ключевые слова: теория кризиса; кризис легитимации; фискальный кризис; налоговый кризис; поздний капитализм; экономический рост; европейское государство.

I. От кризиса легитимации к фискальному кризису

Многое свидетельствует о том, что прозвучавшие в последующие десятилетия заявления о несостоятельности франкфуртских неомарксистских теорий кризиса, относившихся к 1960–1970-м гг., оказались поспешными. Вероятно, трансформация и смена такой крупной общественной формации, как капитализм, требует больше времени, чем хватает терпения у теоре-

¹ *Источник:* Штрик В. 2019. Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма. Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно. Пер. с нем. И. Женина; под науч. ред. М. Добряковой. М.: Изд. дом ВШЭ. 280 с.

тиков кризиса, которые хотели бы ещё при жизни узнать, верны ли их теории. К тому же социальные изменения порой описывают такие причудливые обходные петли, которых теоретически вообще не должно быть, что объяснить их возможно (если вообще возможно) только задним числом и *ad hoc*. Во всяком случае, я считаю, что кризис, в котором капитализм застрял сегодня, в начале XXI века, — это кризис и экономический, и политический, и понять его можно, только рассматривая как кульминацию развития, начавшегося в середине 1970-х гг., а теории кризиса того времени и стали первыми попытками интерпретировать эту линию развития.

Теперь уже неоспоримо, что 1970-е гг. стали поворотным этапом²: в этот период завершились процессы восстановления после войны, наметился распад международной валютной системы (до того момента фактически выполнявшей функцию поддержания политического мирового порядка послевоенного времени [Ruggie 1982]), возвратились кризисоподобные явления и пробуксовки хозяйственной деятельности в ходе капиталистического развития.

Вдохновлённая идеями марксизма, франкфуртская социология оказалась лучше прочих подготовлена к тому, чтобы на интуитивном уровне почувствовать политический и экономический драматизм того времени. И всё же её попытки вписать тогдашние отклонения — начиная от волны забастовок 1968 г. [Crouch, Pizzorno 1978] и до первого так называемого нефтяного кризиса — в широкий исторический контекст развития современного капитализма вскоре были почти забыты, равно как и практические амбиции, в которых теория кризиса неизбежно увязывалась с критической теорией. Произошло слишком много всего неожиданного. Теория позднего капитализма [Habermas 1973; 1975; Offe 1972; 1975] пыталась заново определить точки напряжения и разрывов в политической экономике современности. Однако направление, которое приняло это развитие, а также предполагаемые варианты решения незаметно выскользнули из выбранной теоретической системы координат. Думается, одной из проблем теории было то, что она трактовала «золотые годы» послевоенного капитализма как период совместного технократического управления, объединившего правительства и крупные корпорации, — их сеть опиралась на принципы стабильного роста и стремление к окончательному преодолению системных кризисных явлений в экономике капитализма. Во главу угла теория ставила не техническую управляемость современного капитализма, а его социальную и культурную *легитимацию*. В результате, недооценивая капитал как политического актора и стратегическую силу, но при этом переоценивая способность правительств к действиям и планированию, сторонники описанного подхода подменили экономическую теорию теориями государства и демократии и заплатились за это, лишившись в своём аналитическом арсенале ключевых постулатов марксистского наследия.

Теория кризиса образца 1968 г. оказалась плохо или вообще никак не подготовленной к трём главным аспектам развития того времени. Во-первых, в ходе неолиберальных попыток оживить динамику капиталистического накопления разнообразными механизмами дерегулирования, приватизации и расширения рынков капитализм начал стремительно и весьма успешно возвращаться к «саморегулируемым» рынкам. Все, кому довелось наблюдать это в 1980–1990-е гг. в непосредственной близости, довольно скоро столкнулись с трудностями, которые таит понятие «поздний капитализм»³. Во-вторых, та же участь постигла ожидания кризиса легитимации и кризиса мотивации. Ещё 1970-е гг. стали свидетелем массового и скорого культурного одобрения образа жизни, приспособленного к рынку и обусловлен-

² Относительно Федеративной Республики Германия см., наряду со множеством прочих, следующие работы: [Doering-Manteuffel, Raphael 2008; Raithel, Rödder, Wirsching 2009]. О западном мире в целом см., например: [Judt 2005; Glyn 2006]; см. также отчёт Трёхсторонней комиссии об «управляемости» демократий: [Crozier, Huntington, Watanuki 1975].

³ Отчего это понятие планомерно модифицировалось и постепенно лишалось своей апокалиптической коннотации. Оглядываясь назад, Клаус Оффе говорит о «терминологической ошибке» [Offe 2006], ставшей особенно очевидной, когда после 1989 г. выяснилось, что адекватной альтернативы капитализму не наблюдается, и речь может идти только лишь о его регулировании, но не о его преодолении.

ного им; особенно выразительно одобрение проявилось, например, в энтузиазме женщин по поводу «отчуждённого» наёмного труда, а также в разросшемся сверх всяких ожиданий обществе потребления [Streeck 2012]. И наконец, в-третьих, экономические кризисы, сопровождавшие переход от послевоенного капитализма к неолиберальному (в частности, высокий уровень инфляции в 1970-х гг. и государственный долг в 1980-х), для теории кризиса легитимации оставались, скорее, маргинальными⁴ в отличие от объяснения инфляции в духе Дюркгейма (как проявления аномии вследствие конфликта распределения ресурсов) [Goldthorpe 1978] или таких авторов, как Джеймс О'Коннор, который ещё в 1960-х гг. предсказал, хотя и в категориях ортодоксального марксизма, «фискальный кризис государства» и вытекающий из него революционно-социалистический союз объединившихся в профсоюзы служащих государственных учреждений и их клиентов из числа излишнего населения [O'Connor 1972; 1973].

Ниже мне хотелось бы обрисовать историческую перспективу капиталистического развития начиная с 1970-х гг., в которой «восстание капитала» против послевоенной смешанной экономики будет увязано с широкой популярностью быстро растущих (после десятилетия 1970-х) рынков труда и рынков потребительских товаров, а также с чередой проявлений экономического кризиса, наблюдаемых с того момента и по сей день (и достигших своего пика в тройственном кризисе банковской системы, государственных финансов и экономического роста). В последней трети XX века, на мой взгляд, происходит «высвобождение» [Glyn 2006] глобального капитализма: сопротивление владельцев (*Besitzer*) и распорядителей (*Verfüger*) капитала — класса «зависимого от прибыли» — закончилось их победой над разнообразными обязательствами, которые после 1945 г. вынужден был соблюдать капитализм, чтобы в условиях системной конкуренции вновь стать политически приемлемым. Этот успех и — вопреки всем ожиданиям — восстановление капиталистической системы в виде рыночной экономики я объясняю прежде всего государственной политикой, которая покупала время для поддержки сложившегося хозяйственного и общественного уклада, что, в свою очередь, достигалось поощрением лояльности неолиберальному проекту общества, которое преподносилось как общество потребления (а это просто немыслимо в теории позднего капитализма), — сначала с помощью роста денежной массы и инфляции, затем растущего государственного долга и, наконец, через свободное кредитование населения. Да, через какое-то время каждая из этих стратегий, исчерпавшись, выгорала — примерно так же, как и неомарксистская теория кризиса: подрывая принципы функционирования капиталистической экономики, требующей, чтобы ожидания «справедливого вознаграждения» оказывались важнее прочих. Все это неминуемо приводило к проблемам легитимации, возникающим то тут, то там, но не столько среди масс, сколько в среде капитала — в виде кризисов накопления, которые, в свою очередь, угрожали легитимации системы среди демократически настроенного населения. Преодолеть это, как я покажу далее, было возможно только через дальнейшую либерализацию экономики и иммунизацию экономической политики против демократического давления снизу — чтобы вернуть в систему доверие «рынков».

Сегодня, оглядываясь назад, мы видим, что история кризиса позднего капитализма начиная с 1970-х гг. представляет собой разворачивающееся нарастание старых фундаментальных противоречий между капитализмом и демократией — своего рода постепенное расторжение вынужденного брака, заключённого между ними после Второй мировой войны. По мере того как проблемы легитимации демократического капитализма превращались в проблемы накопления, для их решения стало требоваться дальнейшее освобождение капиталистической экономики от демократического вмешательства. Таким образом, массовая опора современного капитализма переместилась из политического поля в рыноч-

⁴ Вероятно, потому что в Германии, где возникла теория кризиса легитимации, экономический кризис ощущался не так остро; можно вспомнить официальную правительственную риторику 1970–1980-х гг. о «германской модели».

ное, понимаемое как механизм выработки «страха и жадности»⁵, и всё это в условиях всё большего отделения экономики от массовой демократии. Я опишу это развитие как трансформацию кейнсианской политико-экономической институциональной системы послевоенного капитализма в неохайекианский режим.

Мой вывод будет таков: не исключено, что сегодня, в отличие от 1970-х гг., мы действительно переживаем конец политико-экономической формации послевоенного времени — тот самый конец, который предсказывали и даже лелеяли теории кризиса «позднего капитализма». Я уверен, дни привычной нам демократии сочтены — её ждёт стерилизация, на смену редиистрибутивной массовой демократии придёт урезанная комбинация правового государства и публичных развлечений. Этот процесс отделения демократии от капитализма путём отделения экономики от демократии — процесс «дедемократизации капитализма» путём «деэкономизации демократии» — после кризиса 2008 г. зашёл уже довольно далеко, как в Европе, так и повсюду в мире.

Однако вопрос о том, сочтены ли заодно и дни капитализма, следует оставить открытым. Институциональные ожидания, присущие трансформированной неолиберальной демократии, того, что придётся обойтись без справедливого вмешательства рынка, никак несовместимы с капитализмом. Тем не менее, несмотря на все усилия по перевоспитанию, сохраняющиеся среди некоторых слоёв населения смутные надежды на социальную справедливость могут помешать дрейфу к рыночной демократии в духе *laissez-faire* и даже послужить толчком к зарождению анархических протестных движений. Безусловно, старые теории кризиса не раз подчёркивали такую возможность. Вопрос в том, могут ли протесты подобного рода представлять опасность стабильности для маячащего на горизонте капиталистического «общества двух третей» или для глобальной «плутономии»⁶ разнообразные инструменты управления заброшенным «андерклассом», разработанные и испробованные прежде всего в США, кажутся вполне пригодными для экспорта в Европу. Ключевым мог бы стать вопрос о том, появятся ли в будущем — если от денежного допинга с его потенциально опасными побочными эффектами в какой-то момент придётся отказаться — другие наркотики роста, которые позволят сохранить привычный порядок накопления капитала в богатых странах. Мы можем лишь строить предположения на этот счёт, что я и сделаю в заключении к этой книге.

Кризис нового типа

Вот уже несколько лет капитализм богатых демократических обществ переживает тройной кризис, и конца ему пока не видно: *банковский кризис*, *кризис государственных финансов* и *кризис реальной экономики*. Никто не ожидал — ни в 1970-х гг., ни в 1990-х, — что такое совпадение возможно. В Германии благодаря особым обстоятельствам⁷, которые сложились более или менее случайно и казались, скорее, экзотическими, этот кризис долгие годы не замечали — лишь предостерегали от «кризисной

⁵ Согласно интерпретациям с позиций финансового капитализма, жадность и страх — основные поведенческие мотивы на рынках акций, а также в капиталистической экономике в целом [Shefrin 2002].

⁶ Понятие «плутономия» было предложено исследовательским отделом Ситибанка, чтобы развеять страхи некоторых частных клиентов, испугавшихся, что их будущее благосостояние будет, как в кейнсианском мире, зависеть от материального благополучия широких масс [Citigroup Research 2005; 2006].

⁷ Вопреки добрым советам всезнаек, Германия отстояла свою промышленную базу и только в 1980–1990-х гг. очень медленно начала строить «общество услуг» по американскому или британскому образцу. После 2008 г. она смогла по-прежнему экспортировать товары без снижения их качества (например, автомобили премиум-класса и оборудование), оборачивая себе на пользу высокие темпы экономического роста в Китае и увеличивающееся доходное неравенство в разрываемых кризисом США. Кроме того, обменный курс евро внутри еврозоны был зафиксирован на более низкой отметке, чем обменный курс отдельно взятой немецкой валюты. Впоследствии европейский финансовый и налоговый кризисы окажут ещё большее давление на обменный курс евро.

истерии». В большинстве же других богатых демократий, включая Соединённые Штаты, кризис серьёзно затронул жизнь нескольких поколений и к 2012 г. начал радикально трансформировать условия социального существования.

1. *Банковский кризис* проистекает оттого, что в «зафинансированном» («финансализированном») капитализме западного мира слишком много банков выдали слишком много кредитов, государственных и частных, из которых неожиданно в какой-то момент большая часть оказалась просрочена. Поскольку ни один банк больше не может быть уверен, что банк-партнёр, с которым он сегодня имеет дело, завтра не обанкротится, банки больше не хотят друг друга кредитовать⁸. К тому же их вкладчики в любой момент могут начать массовое изъятие депозитов из-за страха лишиться своих накоплений. Кроме того, поскольку регулятор ожидает, что для сокращения рисков банки наращивают капитальный резерв пропорционально дебиторской задолженности, банки вынуждены сдерживать предоставление кредитов. Помочь в данной ситуации могло бы государство, взяв на себя просроченные кредиты, обеспечив неограниченное страхование вкладов и проведя рекапитализацию банков, и лучше, чтобы оно сделало всё это одновременно. Но для проведения такого «банковского спасения» необходимы астрономические суммы, а государства сегодня и без того перегружены долгами. И все же, если бы разорившиеся банки утянули за собой остальные, это могло бы оказаться не дешевле (а то и дороже). Но об этом можно только гадать — в этом суть проблемы.

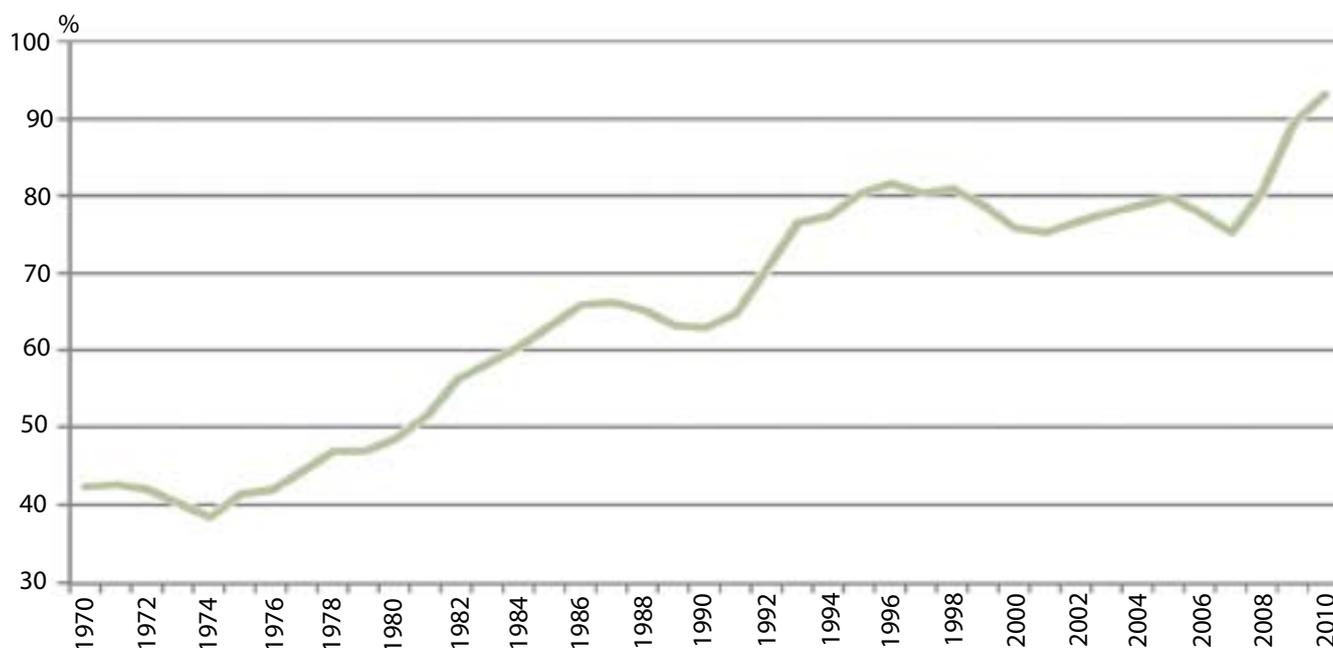
2. *Фискальный кризис (кризис государственных финансов)* — результат бюджетного дефицита и растущего государственного долга, берущих начало в 1970-х гг. (см. рис. 1(a, b)⁹), а также привлечения заёмных средств, которое потребовалось после 2008 г. для спасения как финансового сектора (путём рекапитализации финансовых институтов и приобретения обесценившихся долговых ценных бумаг), так и реального сектора экономики (через налоговое стимулирование). Повышенный риск неплатёжеспособности государства в некоторых странах привёл к увеличению стоимости старого и нового заёмного капитала. Чтобы вернуть доверие рынков, правительства принимают жёсткие меры, предписывая себе и своим гражданам режим строжайшей экономии, а также, как в Европейском союзе, контролируя друг друга и даже запрещая новые займы. Разумеется, это не помогает справиться с банковским кризисом и тем более преодолеть рецессию в реальном секторе экономики. Спорным остаётся даже вопрос о том, помогает ли режим жёсткой экономии уменьшить долговую нагрузку, ведь он не только не способствует экономическому росту, но и, возможно, препятствует ему. А для сокращения государственного долга рост важен ничуть не меньше, чем сбалансированный бюджет.

⁸ Природа банковского кризиса такова, что никакие статистические данные не могут отразить его истинные масштабы. Какие из выданных кредитов окажутся просроченными, наверняка не может знать и сам банк, а если он располагает такой информацией, то должен постараться не раскрывать ее (если только у него нет возможности передать обесценившиеся бумаги в банк проблемных активов, получающий поддержку государства). То же касается взаимного раскрытия информации о национальных банковских системах — правительства и международные организации могут лишь выдвигать предположения о их реальном состоянии. Публично представляемые результаты стресс-тестов, проведённых национальными или международными организациями, не могут быть надёжными, поскольку заявление о проблемах неизбежно повышает вероятность того, что проблема выльется в кризис. Стресс-тесты, как правило, изначально построены таким образом, чтобы продемонстрировать успокаивающие результаты; хороший пример (или был таковым до недавнего времени) — ничем не примечательные европейские экспертные заключения о состоянии испанских банков.

⁹ Динамика увеличения государственных долгов за четыре десятилетия по Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в целом приведена на рис. 1(a); на рис. 1(b) — по семи избранным странам, за каждой из которых стоит особая группа: США и Великобритания (англосаксонские демократии с высокой степенью финансиализации), Швеция (представитель скандинавских демократий), Германия и Франция (крупные страны континентальной Европы), Италия (представитель Средиземноморья) и Япония (развитое азиатское индустриальное общество). Поразительно, сколь незначительны различия между странами, особенно если не брать Японию с её чрезвычайно высоким уровнем новых займов после того, как в конце 1980-х гг. там лопнул пузырь на рынке недвижимости.

3. Наконец, *кризис реальной экономики*, проявляющийся в высоком уровне безработицы и в экономической стагнации (см. табл. 1)¹⁰, отчасти объясняется тем, что компании и потребители испытывают трудности в получении банковских кредитов, поскольку многие из них уже и так погрязли в долгах, а банки не хотят рисковать и к тому же испытывают дефицит капитала. Правительства тем временем сокращают свои расходы, а если не помогает и это, то повышают налоги. Таким образом, экономическая стагнация усиливает фискальный кризис и — вследствие наступающего дефолта — приводит к кризису в банковском секторе.

Очевидно, что эти три кризиса тесно связаны: банковский кризис связан с фискальным через *деньги*, банковский и кризис реального сектора экономики — через *кредиты*, а фискальный и кризис реального сектора экономики — через *государственные расходы и доходы*. Они постоянно усугубляют друг друга, несмотря на то что их масштаб, серьёзность и степень взаимозависимости варьируются от страны к стране. Кроме того, между странами прослеживается разностороннее взаимодействие: обанкротившиеся банки в одной стране могут увлечь за собой зарубежные банки; рост процентных ставок по государственным облигациям, вызванный неплатёжеспособностью какой-либо страны, способен разрушить финансовую систему многих других стран; национальная экономическая активность или её резкий спад имеют международные последствия и т. д. В Европе, как мы увидим, институциональная система валютного союза придаёт сотрудничеству и взаимодействию особую форму и динамику.

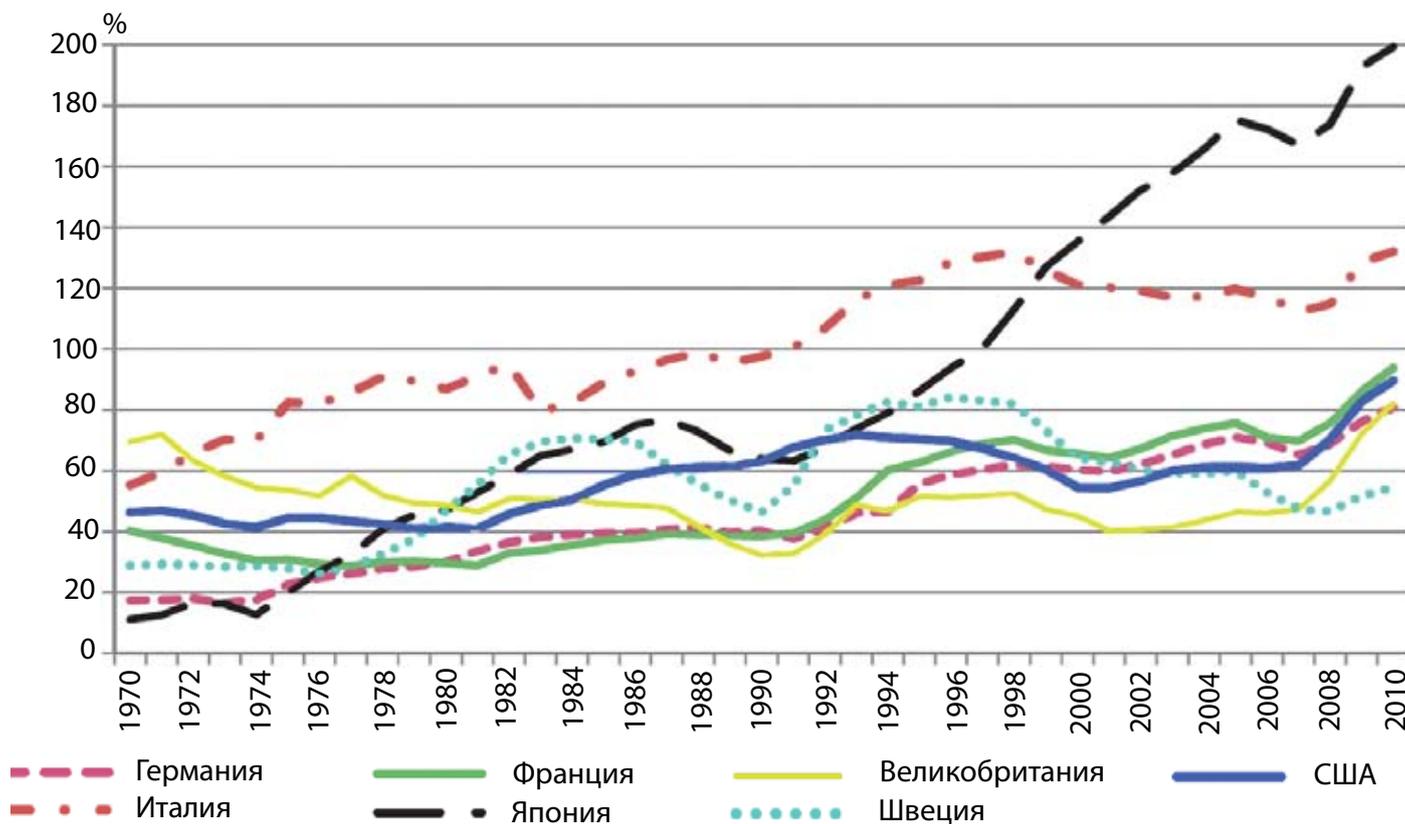

Примечание. Приводится невзвешенная средняя по следующим странам: Австрия, Бельгия, Канада, Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Великобритания, США.

Рис. 1(а). Государственный долг в % от ВВП, в среднем по странам ОЭСР, 1970–2010 гг.

Нынешнему кризису капиталистических демократий летом 2012 г. исполнилось уже четыре с лишним года. Он совершенно неожиданным образом постоянно меняет свой облик, при этом на первый план

¹⁰ Подробное обсуждение последствий банковского и фискального кризисов для реального сектора экономики требует отдельного исследования, выходящего за рамки компетенций автора настоящей работы. На рис. 2 показаны экономическая стагнация и даже спад ВВП по отдельным странам (исключение в списке составляют Германия и Швеция) на протяжении пяти лет после 2007 г. — последнего предкризисного года. Особенно серьёзное положение сложилось в кризисных странах Европы (в Греции, Ирландии, Португалии и Испании), где рецессия сопровождалась падением уровня занятости и ростом безработицы. Картина, которую мы можем наблюдать в Великобритании и Соединённых Штатах, немного лучше.

Источник: OECD Economic Outlook: Statistics and Projections.

Рис. 1(b). Государственный долг в % от ВВП, по семи странам ОЭСР, 1970–2010 гг.

выдвигаются новые страны и новые комбинации проблем. Никто не знает, что будет дальше; темы меняются от месяца к месяцу, иногда даже от недели к неделе, но почти всегда в какой-то момент они возвращаются вспять и повторяются. Политические действия сопряжены с широчайшим спектром непредсказуемых побочных эффектов — комплексность как она есть. Решая одну проблему, правительство порождает новую; при выходе из одного кризиса усугубляются другие кризисы — на месте одной отрубленной головы у гидры вырастают две новые. Слишком многое необходимо охватить одновременно; поспешно лепятся временные заплатки, встающие на пути долгосрочных решений; к реализации долгосрочных решений даже не подступаются, поскольку текущие проблемы постоянно требуют скорейшего разрешения; повсюду рвётся, и усилия по латанию одной дыры ведут к появлению новых дыр. Никогда со времени Второй мировой войны правительства западных капиталистических стран не выглядели столь беспомощными, никогда под маской хладнокровия и безупречной политической выучки не скрывалось так много обезображенных паникой лиц.

Две неожиданности для теории кризиса

В неомарксистских франкфуртских теориях кризиса 1968 г.¹¹ не фигурируют банки и финансовые рынки. И в этом нет ничего удивительного, ибо тогда никто не мог предвидеть «финансиализацию» капитализма. Но в этих теориях также ничего не было сказано и об экономических циклах, кризисах роста и о границах роста, о недопотреблении или перепроизводстве. Возможно, это связано с желанием избежать экономического детерминизма, к которому склонны столь многие марксистские течения, осо-

¹¹ Ниже я намеренно буду опираться на то, что между этими теориями общего, а не на их очевидные различия, поскольку последние кажутся слишком незначительными в сравнении с тем, куда в действительности пошло развитие годы спустя. И только эта разница между теорией и реальностью представляется мне здесь важной.

бенно ортодоксальный советский марксизм. Как бы то ни было, более важным мне представляется своеобразный дух того времени, удивительно глубоко проникнутый левыми идеями. Капиталистическую экономику превратили в машину по обеспечению экономического процветания, которая — с помощью набора кейнсианских инструментов — работает стабильно, не боясь кризисов и опираясь лишь на хорошо выстроенную систему сотрудничества между государством и крупными корпорациями. Таким образом, материальное воспроизводство капиталистического индустриального общества казалось гарантированным, экономические предпосылки кризиса — преодоленными, а перспектива пауперизации рабочего класса, которой так пугали ортодоксы, не маячит даже на самом отдалённом горизонте.

Таблица 1

Последствия кризиса 2008 г. для реального сектора экономики семи стран, %

Страны и последствия кризиса		2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Германия	ВВП	100,0	103,9	107,4	108,3	102,8	106,4	109,7
	Занятость	65,5	67,2	69,0	70,1	70,3	71,1	72,5
	Безработица	11,2	10,3	8,7	7,5	7,7	7,1	5,9
Франция	ВВП	100,0	102,7	105,0	104,7	102,0	103,4	105,2
	Занятость	63,7	63,6	64,3	64,9	64,0	63,8	63,8
	Безработица	8,9	8,8	8,0	7,4	9,1	9,4	9,3
Италия	ВВП	100,0	102,3	103,9	102,6	97,0	98,7	99,2
	Занятость	57,6	58,4	58,7	58,8	57,5	56,9	57,0
	Безработица	7,7	6,8	6,1	6,7	7,8	8,4	8,4
Япония	ВВП	100,0	101,7	103,9	102,8	97,1	101,4	100,7
	Занятость	69,4	70,1	70,9	71,1	70,5	70,6	71,2
	Безработица	4,4	4,1	3,8	4,0	5,1	5,1	4,6
Швеция	ВВП	100,0	104,6	108,1	107,3	102,0	107,9	112,2
	Занятость	72,3	73,1	74,2	74,3	72,2	72,7	74,1
	Безработица	7,5	7,1	6,2	6,2	8,3	8,4	7,5
Велико-британия	ВВП	100,0	102,6	106,2	105,0	100,4	102,5	103,2
	Занятость	71,8	71,6	71,5	71,5	69,9	69,5	69,5
	Безработица	4,8	5,4	5,3	5,6	7,6	7,8	8,0
США	ВВП	100,0	102,7	104,6	104,3	100,6	103,7	105,5
	Занятость	71,5	72,0	71,8	70,9	67,6	66,7	66,6
	Безработица	5,1	4,6	4,6	5,8	9,3	9,6	9,0
Греция	ВВП	100,0	105,5	108,7	108,5	105,0	101,3	94,3
	Занятость	60,1	61,0	61,4	61,9	61,2	59,6	55,6
	Безработица	9,9	8,9	8,3	7,7	9,5	12,5	16,0
Испания	ВВП	100,0	104,1	107,7	108,7	104,6	104,5	105,3
	Занятость	64,3	65,7	66,6	65,3	60,6	59,4	58,5
	Безработица	9,2	8,5	8,3	11,3	18,0	20,1	20,3
Португалия	ВВП	100,0	101,4	103,8	103,8	100,8	102,2	100,6
	Занятость	67,5	67,9	67,8	68,2	66,3	65,6	64,2
	Безработица	7,7	7,7	8,0	7,6	9,5	10,8	11,7
Ирландия	ВВП	100,0	105,3	110,8	107,5	100,0	99,5	100,2
	Занятость	67,5	68,5	69,2	68,1	62,5	60,4	59,6
	Безработица	4,8	4,7	4,7	5,8	12,2	13,9	14,6

Источник: [ОЕСД 2012].

Несомненно, все это являлось отражением последствий стремительного и непрерывного экономического роста на протяжении почти двух десятилетий. Что касается Германии, то для неё это был опыт запоздалого и почти необозначенного кризиса 1966 г. и его преодоления с помощью «современной» антициклической экономической политики правительства большой коалиции. По мнению многочисленных современников, это позволило Федеративной Республике преодолеть собственное ордолиберальное непонимание себя и слиться с другими странами капиталистического Запада, чьи смешанные экономики насыщены государственными предприятиями, органами планирования, отраслевыми советами, региональными комиссиями по развитию, политикой соглашений в области доходов и т. д. — всем тем, что так подробно описал Эндрю Шонфилд в книге «Современный капитализм» (1965), которая стала известна в Германии благодаря Карлу Шиллеру, эксперту-экономисту Социал-демократической партии Германии. Тот же «управленческий оптимизм» (*Steuerungsoptimismus*) — слово, вошедшее в оборот тогда, когда обозначаемое им уже исчезло, — господствовал в Соединённых Штатах во времена правления президентов Кеннеди и Джонсона с их штабами советников кейнсианской выучки, ратовавших за вмешательство в экономику. Планирование ни в коем случае не было предано анафеме, даже возможная конвергенция капитализма и коммунизма была вполне легитимной темой политико-экономических дебатов: капиталистический рынок испытывал необходимость в большем планировании, а коммунистическое планирование — в более развитых рыночных механизмах, так что капитализм и коммунизм могли бы встретиться где-то на середине пути в общей точке взаимных интересов [Kerr et al. 1960]. В теориях того времени экономика, понимаемая как механизм, заняла место капиталистов как класса; «технология и наука как идеология» [Habermas 1969] заняли место, которое раньше отводилось власти и интересам. Убеждение в том, что экономика, по сути, превратилась в вопрос технический, было распространено среди социологов не меньше, чем среди экономистов. В качестве одного из многочисленных примеров можно привести работу Амитаи Этциони 1968 г. «Активное общество». Наверное, это самая амбициозная попытка определить условия, при которых современные демократические общества смогут свободно выбирать направление своего развития и воплощать свой выбор на практике. Слово «экономика» в 666-страничной книге Этциони упоминается всего лишь раз, и то только для того, чтобы показать, что сегодня «западные страны» могут положиться на собственные силы, «регулируя социетальные процессы при помощи широкого применения кейнсианских и иных методов, направленных на предотвращение неконтролируемой инфляции и депрессии, а также на стимулирование экономического роста» [Etzioni 1968: 610]¹².

Что же касается Франкфуртской школы, то здесь основой для реинтерпретации современного капитализма как системы технократического управления экономикой — как нового воплощения государственного капитализма — стали работы Фридриха Поллока, эксперта-экономиста, работавшего в Институте социальных исследований до и после своей эмиграции. По мнению Поллока, высказанного в работе 1941 г., капитализм в процессе своего развития стал настолько подчинён государственному планированию, что «законам рынков и прочим экономическим законам не осталось никакого существенного поля деятельности» [Pollock 1981: 87]. Поллок, скончавшийся в 1970 г., не нашёл оснований для пересмотра своей оценки и после войны, разгрома фашизма и окончания военной экономики. Появление крупных корпораций и всё более изощрённое применение механизмов государственного планирования означало для него наступление новой эпохи, где уже никогда не найдётся места принципу *laissez-faire*: по его мнению, развитый капитализм превратился в политически регулируемую и избавленную от кризисов экономическую систему. Три посткапиталистические экономические системы — фашизм, государственный социализм, а также «Новый курс» — поставили политику впереди экономики и тем самым сумели преодолеть естественное состояние кризиса, присущее дезорганизованному и хаотичному капитализму свободной конкуренции. С точки зрения Адорно и Хоркхаймера, как замечает Хельмут Дубиль в предисловии к изданию статей Поллока, «теория Поллока о государственном капитализме

¹² В 1980-е гг. Этциони всё же попытался восполнить этот пробел, предложив социальную теорию экономики и экономического действия — социоэкономику [Etzioni 1988].

представляет собой <...> подробное описание общественного устройства, в котором государственная бюрократия настолько крепко взяла в свои руки экономические процессы, что можно говорить о примате политики над экономикой и вне социализма». И далее: «Утверждение Поллока о новом типе господства — снова ставшем сугубо политическим, не опосредованном, как прежде, экономическими процессами — дало Адорно и Хоркхаймеру политико-экономические аргументы более не возводить политическую экономию на первое место» [Pollock 1975: 18]¹³.

Несмотря на то что франкфуртские авторы кризисных теорий 1970-х гг. ожидали экономического краха капитализма не больше кейнсианских экономистов в США, эти теории не перестают оставаться теориями кризиса, к тому же с ярко выраженной критикой капитализма. Правда, теперь взрывоопасные места в капитализме для них таились не в экономике, а в политике и обществе: они связаны не с экономикой, а с демократией, не с капиталом, а с трудом, не с системной, а с социальной интеграцией [Lockwood 1964]. Проблема заключалась не в производстве прибавочной стоимости — её «противоречиями», как тогда казалось, научились управлять, — а в легитимации капитализма как социальной системы; вопрос заключался не в том, сможет ли капитал, преобразованный в экономику общества, обеспечивать общество, а в том, хватит ли его ресурсов для того, чтобы его получатели смогли и далее продолжать ту же игру. С точки зрения кризисных теорий 1960–1970-х гг. надвигавшийся кризис капитализма был связан не с кризисом *производства* (будь то недо- или перепроизводство), а с кризисом *легитимации*.

Сегодня предчувствия того времени чем-то напоминают иерархию потребностей Маслоу [Maslow 1943]: когда обеспечено физиологическое существование, требуют удовлетворения нематериальные потребности — в самореализации, уважении, признании, принадлежности к сообществу¹⁴. Предполагалось, что в новых исторических условиях гарантированного благополучия было бы невозможно поддерживать в долгосрочной перспективе ни репрессивную дисциплину, которую капитализм как форма социальной организации требовал от людей, ни принудительный характер отчуждённого наёмного труда. Окончание дефицита, ставшее возможным благодаря развитию производительных сил, означает, что капиталистическое господство — институционализированное, например, в избыточных иерархиях на рабочем месте и дифференцированной оплате труда, подчинённой экономически устаревшему принципу производительности труда, — будет всё труднее воспроизводить¹⁵. Участие рабочих в управлении

¹³ Это нисколько не противоречит тому, что Адорно ввёл понятие «поздний капитализм» в социальную теорию Франкфуртской школы, взяв его в название темы Германского социологического конгресса 1968 г. и собственного вступительного доклада «Поздний капитализм или индустриальное общество?» [Adorno 1979]. Адорно разграничивал «поздний капитализм» и то, что он называл либеральным капитализмом: этот последний он рассматривал, вслед за Поллоком, как исторически более раннюю форму капитализма, ныне вытесненную вмешательством государства. По существу, «поздний капитализм» Адорно идентичен тому, что некоторые авторы называют организованным капитализмом. В работах Адорно нигде не рассматривается вероятность того, что организованному (позднему) капитализму грозит кризис или что в своём неолиберальном будущем он фактически может вернуться в собственное либеральное прошлое.

¹⁴ Здесь прослеживается также некоторое родство с теорией Даниэля Белла о культурных противоречиях капитализма [Bell 1976]. Белл тоже полагал, что дальнейшее развитие капитализма будет порождать мотивы и потребности, несовместимые с его социальной организацией. Только Белл, последовательный консерватор, был склонен считать подобные новые культурные ориентации декадентско-гедонистическими, тогда как во франкфуртских теориях кризиса они представлялись как прогрессивно-освободительные по отношению к поступательному развитию человечества. Интересно, что при этом и Белл, и франкфуртские теоретики подчёркивали нарастающую неуправляемость капиталистических обществ: одни — полагая, что люди из них «выросли», другие — полагая, что люди «зарвались» и нуждаются в том, чтобы их вернули в разумные рамки. В обоих случаях прогнозы на будущее говорили о чрезмерном «растягивании» демократического государства, которое требовалось либо уравновесить при помощи институциональных реформ [Crozier, Huntington, Watanuki 1975], либо подвести — демократическими инструментами — к инкорпорированию в политико-экономическую систему ещё большего числа элементов, чуждых капитализму, что в конечном счёте разрушило бы её. О пересечениях теорий неуправляемости и позднего капитализма см.: [Schäfer 2009].

¹⁵ Так, Клаус Оффе в диссертации 1967 г. пишет: «В сущности, социальный порядок как понятие, основанное на производительности труда, становится бессмысленным <...> в связи с тем, что более прогрессивные формы промышленного

предприятием и демократия, эмансипация на работе или даже освобождение от неё — все эти возможности дожидались своего часа, пока их наконец не обнаружили и не взялись воплощать [Gorz 1967; 1974]. Коммодификация человека, конкуренция вместо солидарности были объявлены устаревшими жизненными установками, и эта точка зрения будет получать все большее распространение. Требования демократизации всех сфер жизни и политического участия в объёме большем, нежели предусмотрено существующими институтами, перерастут в отрицание капитализма как формы общественного устройства и разорвут изнутри устаревшую организацию труда и жизни, основанную на частной собственности. Именно поэтому эмпирические исследования Франкфуртской школы тех лет были сфокусированы в основном на политическом сознании студентов и рабочих, а также на потенциальной возможности профсоюзов вырасти в нечто большее, чем просто машина по обеспечению заработной платы. Напротив, рынки, капитал и капиталисты едва ли попадали в фокус внимания, а место политической экономии заняли теория демократии и теория коммуникации.

Конечно, на самом деле все было наоборот: не массы отвернулись от капитализма послевоенного времени и, таким образом, покончили с ним, а капитал в лице своих организаций, их управленцев и собственников. Что же касается проблемы легитимности капиталистического общества, опирающегося на наёмный труд и потребление, в глазах широких слоёв населения — «обывателей из глубинки», если использовать выражение Гельмута Коля, — то после долгих 1960-х гг. она расцвела так пышно, что стала полной неожиданностью для теоретиков «позднего капитализма». Даже если борьба с «потребительским террором» 1968 г. и нашла определённый отклик среди студенчества, подавляющее большинство тех, кто прежде отчаянно сражался против «маркетизации» капиталистической жизни, с головой нырнули в пучину беспрецедентного консюмеризма и начавшейся вскоре коммерциализации [Streeck 2012]. Рынки потребительских товаров (автомобили, одежда, косметика, продукты питания, бытовая электроника), а также рынки услуг (услуги по уходу за телом, туризм, развлечения) росли неслыханными темпами и стали главной движущей силой капиталистического роста. Ускорение инноваций в сфере процессов и продуктов способствовало стремительному развитию микроэлектроники, сократило жизненный цикл очень многих потребительских товаров и позволило ещё более дробно сегментировать продукты по потребительским группам¹⁶. Одновременно с этим денежная экономика без устали завоёвывала всё новые области социальной жизни, до того момента остававшиеся анклавами неоплачиваемых увлечений, превращая их в производство с высокой прибавочной стоимостью. Один из множества примеров — спорт, который в 1980-х гг. превратился в глобальный многомиллиардный бизнес.

Но и наёмный труд — или, как говорилось в 1968 г., зарплатная зависимость — подвергся реабилитации, не предусмотренной теориями кризиса легитимации. Начиная с 1970-х гг. женщины западного мира хлынули на рынок труда — и ситуация, которую ещё вчера клеймили как отсталое зарплатное рабство, теперь преподносилась как освобождение от неоплачиваемого домашнего рабства¹⁷. Несмотря на, как правило, невысокую оплату, популярность трудовой деятельности среди женщин в последующие годы продолжала расти. Более того, работающие женщины нередко становились союзниками работодателей в их стремлении дерегулировать рынок труда, чтобы позволить аутсайдерам сбить расценки мужчин-инсайдеров. Рост занятости среди женщин был тесно связан со структурными изменениями внутри семьи: увеличилось число разводов, количество заключённых браков сократилось,

труда делают сам анализ сопоставления вклада отдельных индивидов нерелевантным» [Offe 1970: 166]. Позднее в его книге будут приведены аргументы в пользу зарплаты студентам и гарантированного базового дохода.

¹⁶ Под влиянием этих перемен в условиях, когда реальность вырвалась за аскетические рамки критической теории, социология отказалась от рассуждений о «ложных потребностях» или «ложном сознании» — о понятиях, которые незадолго до того пользовались чрезвычайной популярностью.

¹⁷ Подобная история приключилась и с интерпретацией численности иммигрантов, неуклонно возраставшей начиная с 1970-х гг.

а вместе с этим — и количество рождённых в них детей. В то же время выросла численность детей, оказавшихся в проблемных семьях, что, в свою очередь, привело к росту предложения женского труда [Streeck 2009].

В дальнейшем и для женщин трудовая деятельность стала важнейшим механизмом социальной интеграции и признания. Сегодня быть просто домохозяйкой — определенная стигма; в разговорной речи слово «работа» стало синонимом полной занятости, оплачиваемой по рыночным расценкам. Женщина особенно повышает свой социальный престиж, если ей удаётся совмещать *Kinder und Karriere* (детей и карьеру), пусть даже «карьерой» оказывается место кассира в супермаркете. Адорно, настроенный гораздо пессимистичнее, чем теоретики кризиса легитимации, распознал бы здесь, равно как и в потребительской лихорадке последних трёх-четырёх десятилетий, то самое «удовольствие в отчуждении», которого он сразу ожидал от индустрии культурного потребления. Неопротестантизм, сторонники которого гордятся своей жизнью на износ, поминутно расписанной так, дабы совместить «семью и работу» [Schor 1992], а также добровольная «коммодификация» человеческого капитала на современных капиталистических рынках труда — с присущими ей неустанными расчётами ожидаемой величины отдачи от образования, подчиняющими себе жизненные планы целых поколений, — судя по всему, положили конец кризису «наёмного труда» и принципу опоры на достижения; свою роль в этом сыграл и «новый дух капитализма» [Boltanski, Chiapello 2005], витающий на новых рабочих местах, креативных и автономных, и углубляющий интеграцию в компанию, а также выступающий как средство самоидентификации с популярным извлечением прибыли¹⁸.

Если массовая лояльность рабочих и потребителей послевоенному капитализму оказалась весьма стабильной, то этого никак нельзя сказать о капитале. Проблема франкфуртских кризисных теорий 1970-х гг. в том, что они никак не предполагали в капитале способность к стратегическому целеполаганию. Они рассматривали капитал как аппарат, а не как ведомство; как средство производства, а не как класс¹⁹. Получается, свои построения они выводили без капитала. Ещё для Шумпетера, не говоря уже о Марксе, капитал был постоянным очагом беспокойства на теле современной экономики — причиной непрерывного «созидательного разрушения» [Schumpeter 2006] вплоть до момента, пока социалистический дух бюрократии его не остановит наконец. Это было очевидно и для Вебера, более того, он это предвидел, и вполне возможно, что присущая капиталу безжизненность, характерная для теории кризиса легитимации, отчасти восходит как раз к нему. Так что мир просто оказался не готов к тому, что в конце концов произошло спустя несколько десятилетий после долгих 1960-х: капитал оказался одолеваемым страстным стремлением вырваться из тесных институциональных рамок «социального рыночного хозяйства» послевоенного образца игроком, а не игрушкой, хищником, а не рабочей лошадкой.

Неомарксистские теории кризиса, предложенные во Франкфурте четыре десятилетия назад, сильнее большинства прочих теорий того времени, ибо первыми распознали хрупкость социального капитализма. Но причины этой хрупкости, а значит, и направление, а также динамику предстоящих истори-

¹⁸ Инвестиции семей среднего класса в школьные оценки и университетские дипломы — начиная с симптоматичных занятий китайским языком еще в детском саду — показывают, насколько вновь стала сильна вера в возможности достигаемого статуса. Иными словами, подразумевается, что обычные рядовые мужчины и женщины стали чересчур требовательными и им пора научиться довольствоваться меньшим. Как мы увидим, основное направление экономической теории также винит завышенные требования широких слоёв населения в росте государственного долга в последние десятилетия. Такое объяснение идеально подходит для того, чтобы заставить людей позабыть о вопиюще несправедливом распределении производимых благ.

¹⁹ Это имело своё преимущество: можно было избежать сложных вопросов классовой теории, например о различиях между статусом менеджера и статусом собственника, о различиях между малым и крупным капиталом, о роли предприятия как организации в отличие от роли предпринимателя как человека, о классификации множества новых средних страт, о классовых позициях политиков и госслужащих. Подробнее о многочисленных проблемах социологических классовых теорий см. работу Э. О. Райта: [Wright 1985]. Тем не менее теория капитализма без капитала, способного к действиям, неизбежно остаётся весьма вялой и рыхлой.

ческих перемен они оценили неверно. Их подход исключал вероятность того, что не труд, а капитал может положить конец легитимности демократического капитализма, сформировавшегося в период *trente glorieuses*²⁰. Действительно, история капитализма после 1970-х гг., в том числе следующих друг за другом экономических кризисов, является историей высвобождения капитализма от системы социального регулирования, которое было навязано ему после 1945 г. Начало этому процессу положили протесты 1968 г.: новое поколение рабочих, воспринимавших как само собой разумеющееся темпы роста, социальные гарантии времён послевоенного восстановления, а также политические обещания зарождавшегося демократического капитализма, выступило против работодателей зрелого индустриального общества. Эти обещания капитализм не мог и не хотел сохранить навсегда.

В последующие годы капиталистические элиты и их политические союзники искали способы освободиться от обязательств, на которые они пошли ради сохранения социального спокойствия и которые в целом им удавалось выполнять в период реконструкции. Новые продуктовые стратегии против перенасыщения рынка, рост предложения рабочей силы в результате изменений социальной структуры и, не в последнюю очередь, интернационализация рынков и производственных систем постепенно открыли фирмам возможности стряхнуть груз социальной политики и коллективных трудовых договоров, которые после 1968 г. угрожали им долгосрочным снижением прибыли²¹. Со временем это привело к стойкому процессу либерализации, принёсшему мощный, масштабный разворот к саморегулируемым рынкам, — разворот, беспрецедентный в политической экономии современного капитализма и не предсказанный ни одной теорией. Франкфуртская теория кризиса не была готова к тому, что государство, дабы сбросить ярмо ставших непосильными социальных обязательств, откажется от регулирования капитализма, который оно должно было бы поставить на службу обществу, и отпустит его на свободу, а также к тому, что капитализм сочтёт слишком тесными рамки политически организованной свободы от кризисов²². Процесс либерализации, будучи одновременно технологией контроля, инструментом смягчения социальной нагрузки на государство и освобождения капитала, на самом деле шёл не быстро, особенно пока память о событиях 1968 г. была ещё свежа, и сопровождался множеством политических и экономических функциональных нарушений, пока не достиг пика в нынешнем кризисе мировой финансовой системы и государственных финансов.

Литература

Adorno T. W. 1979 [1968]. *Spätkapitalismus oder Industriegesellschaft? Einleitungsvortrag zum 16. Deutschen Soziologentag*. In: Adorno T. W. *Soziologische Schriften I*. Frankfurt/M.: Suhrkamp; 354–370.

Bell D. 1976. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. New York: Basic Books.

Boltanski L., Chiapello È. 2005. *The New Spirit of Capitalism*. London: Verso.

Brenner R. 2006. *The Economics of Global Turbulence. The Advanced Capitalist Economies from Long Boom to Long Downturn*. London; New York: Verso.

²⁰ Славное тридцатилетие — французское обозначение трёх десятилетий экономического развития после Второй мировой войны. В англо-саксонских странах это время принято называть «золотым веком», в Германии — годами «экономического чуда».

²¹ О заметном снижении прибыли начиная с 1965 г. до точки кульминации в 1980 г. (и до временного роста в 1990-х гг. при условии, что работодателям удавалось эффективно использовать повышение производительности) см.: [Brenner 2006].

²² Неожиданностью для теории кризиса легитимации оказался и результат исторического преобразования роли конюмеризма: представляемый ею лишь как мнимое удовлетворение базовой для капитализма потребности в стяжательстве и продуктивности, пышно расцветший мир товаров подменил потребность в коллективном политическом прогрессе потребностью в удовлетворении индивидуальных материальных желаний.

- Citigroup Research 2005. *Plutonomy: Buying Luxury, Explaining Global Imbalances*. 16. Oktober.
- Citigroup Research. 2006. *Revisiting Plutonomy: The Rich Getting Richer*. 5. März.
- Crouch C., Pizzorno A. (eds). 1978. *The Resurgence of Class Conflict in Western Europe since 1968*. 2 vols. London: Palgrave Macmillan.
- Crozier M. J., Huntington S. P., Watanuki J. 1975. *The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission*. New York: New York University Press.
- Doering-Manteuffel A., Raphael L. 2008. *Nach dem Boom. Perspektiven auf die Zeitgeschichte seit 1970*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Etzioni A. 1968. *The Active Society*. New York: Free Press.
- Etzioni A. 1988. *The Moral Dimension: Toward a New Economics*. New York: Free Press.
- Glyn A. 2006. *Capitalism Unleashed: Finance Globalization and Welfare*. Oxford: Oxford University Press.
- Goldthorpe J. 1978. The Current Inflation: Towards a Sociological Account. In: Hirsch F., Goldthorpe J. (eds). *The Political Economy of Inflation*. Cambridge, MA.: Harvard University Press; 186–216.
- Gorz A. 1967. *Zur Strategie der Arbeiterbewegung im Neokapitalismus*. Frankfurt/M.: Europäische Verlagsanstalt.
- Gorz A. 1974. *Kritik der Arbeitsteilung*. Frankfurt/M.: Fischer.
- Habermas J. 1969. Technik und Wissenschaft als Ideologie. Frankfurt/M.: Suhrkamp. (См. также рус. пер.: Хабермас Ю. 2007. *Техника и наука как идеология*. М.: Праксис.)
- Habermas J. 1973. *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*. Frankfurt/M.: Suhrkamp. (См. также рус. пер.: Хабермас Ю. 2010. *Проблема легитимации позднего капитализма*. М.: Праксис.)
- Habermas J. 1975. *Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus*. Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Judt T. 2005. *Postwar: A History of Europe Since 1945*. London: Penguin.
- Kerr C. et al. 1960. *Industrialism and Industrial Man: The Problems of Labor and Management in Economic Growth*. Cambridge, MA.: Harvard University Press.
- Lockwood D. 1964. Social Integration and System Integration. In: Zollschan G. K., Hirsch W. (eds). *Explorations in Social Change*. Boston: Houghton Mifflin; 244–257.
- Maslow A. 1943. A Theory of Human Motivation. *Psychological Review*. 50 (4): 370–396. (См. также рус. пер.: Маслоу А. 1999. Теория человеческой мотивации. В кн.: Маслоу А. *Мотивация и личность*. СПб.: Евразия; 77–105.)
- O'Connor J. 1972. Inflation, Fiscal Crisis, and the American Working Class. *Socialist Revolution*. 2 (2): 9–46.

- O'Connor J. 1973. *The Fiscal Crisis of the State*. New York: St. Martin's.
- OECD 2012. Public Expenditure on Active Labour Market Policies. In: *Employment and Labour Markets: Key Tables from OECD Economic Outlook: Statistics and Projections*. No. 9.
- Offe C. 1970. *Leistungsprinzip und industrielle Arbeit. Mechanismen der Statusverteilung in Arbeitsorganisationen der industriellen «Leistungsgesellschaft»*. Frankfurt/M.: Europäische Verlagsanstalt.
- Offe C. 1972. *Strukturprobleme des kapitalistischen Staates. Aufsätze zur politischen Soziologie*. Frankfurt/M.: Campus.
- Offe C. 1975. *Berufsbildungsreform. Eine Fallstudie über Reformpolitik*. Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Offe C. 2006. Erneute Lektüre. Die ›Strukturprobleme‹ nach 33 Jahren. In: Borchert J. (Hg.) *Strukturprobleme des kapitalistischen Staates. Veränderte Neuausgabe*. Frankfurt/M.: Campus. S. 181–196.
- Pollock F. 1975. *Stadien des Kapitalismus*. München: C. H. Beck.
- Pollock F. 1981 [1941]. Staatskapitalismus. In: Dubiel H., Söllner A. (Hgg.). *Wirtschaft, Recht und Staat im Nationalsozialismus*. Frankfurt/M.: Europäische Verlagsanstalt; 81–109.
- Raithel T., Rödder A., Wirsching A. (Hgg.). 2009. *Auf dem Weg in eine neue Moderne? Die Bundesrepublik Deutschland in den siebziger und achtziger Jahren*. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag.
- Ruggie J. G. 1982. International Regimes, Transactions and Change: Embedded Liberalism in the Postwar Economic Order. *International Organization*. 36 (2): 379–399.
- Schäfer A. 2009. Krisentheorien der Demokratie. Unregierbarkeit, Spätkapitalismus und Postdemokratie. *Der moderne Staat*. 2: 159–183.
- Schor J. 1992. *The Overworked American: The Unexpected Decline of Leisure*. New York: Basic Books.
- Schumpeter J. A. 1953 [1918]. Die Krise des Steuerstaaten. In: Schumpeter J. A. (Hg.). *Aufsätze zur Soziologie*. Tübingen: Mohr Siebeck; 1–71.
- Schumpeter J. A. 2006 [1912]. *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Berlin: Duncker & Humblot. (См. также рус. пер.: Шумпетер Й. 1982. *Теория экономического развития*. М.: Прогресс.)
- Shefrin H. 2002. *Beyond Greed and Fear: Understanding Behavioral Finance and the Psychology of Investing*. Oxford: Oxford University Press.
- Shonfield A. 1965. *Modern Capitalism. The Changing Balance of Public and Private Power*. London; New York: Oxford University Press.
- Streeck W. 2009. *Flexible Employment, Flexible Families, and the Socialization of Reproduction*. MPIfG Working Paper 09/13. Köln: Max Planck Institute for the Study of Societies.
- Streeck W. 2012. The Politics of Consumption. *New Left Review*. 76: 27–47.
- Wright E. O. 1985. *Classes*. London: Verso.

NEW TRANSLATIONS

Wolfgang Streeck

Buying Time. The Delayed Crisis of Democratic Capitalism (excerpts)

STREECK, Wolfgang — Prof. em. Dr. Dr. h.c., Emeritus
Director, Max Plank Institute for the Study of Societies. Address: 3 Paulstrasse, 50676, Cologne, Germany.

Streeck, W. (2013) *Gekaufte Zeit: Die vertagte Krise des demokratischen Kapitalismus*, Berlin: Suhrkamp.

Abstract

The outstanding German economic sociologist Wolfgang Streeck analyzes sources for recent fiscal, tax and economic crises, considering them as parts of the long-lasting neoliberal transformation of post-war capitalism, which started in the 1970s. Addressing the proposed crisis theories, the author discusses the subsequent contradictions and conflicts between states, governments, voters and capitalistic interests—a process of shifting the main attention from taxation through debt to budget consolidation within the European system of states. At the end of the study, he considers some perspectives on how social economic stability can be achieved again.

The Journal of Economic Sociology has published some excerpts from the first chapter, “From Legitimation Crisis to Fiscal Crisis,” in which the author briefly reviews the interconnections between the financial crisis, the crisis of the tax system, and the crisis of growth. The author explains why the stratagem of these interconnections refers to an impossible riddle for any anti-crisis management as well as for politicians. Finally, the author tries to find an answer to the question of why crisis theories of the 1970s, having claimed that a legitimation crisis was coming, turned out to be unprepared to face the social trends which rejected all their predictions.

Keywords: crisis theory; legitimation crisis; fiscal crisis; tax crisis; late capitalism; economic growth; European state.

References

- Adorno T. W. (1979 [1968]) *Spätkapitalismus oder Industriegesellschaft? Einleitungsvortrag zum 16. Deutschen Soziologentag. Soziologische Schriften I*, Frankfurt/M.: Suhrkamp, pp. 354–370 (in German).
- Bell D. (1976) *The Cultural Contradictions of Capitalism*, New York: Basic Books.
- Boltanski L., Chiapello È. (2005) *The New Spirit of Capitalism*, London: Verso.
- Brenner R. (2006) *The Economics of Global Turbulence. The Advanced Capitalist Economies from Long Boom to Long Downturn*, London; New York: Verso.
- Citigroup Research (2005) *Plutonomy. Buying Luxury, Explaining Global Imbalances*, no 16, Oktober.
- Citigroup Research (2006) *Revisiting Plutonomy. The Rich Getting Richer*, no 5, März.
- Crouch C., Pizzorno A. (eds) (1978) *The Resurgence of Class Conflict in Western Europe since 1968*. 2 vols, London: Palgrave Macmillan.

- Crozier M. J. Huntington S. P., Watanuki J. (1975) *The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission*, New York: New York University Press.
- Doering-Manteuffel A., Raphael L. (2008) *Nach dem Boom. Perspektiven auf die Zeitgeschichte seit 1970*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht (in German).
- Etzioni A. (1968) *The Active Society*, New York: Free Press.
- Etzioni A. (1988) *The Moral Dimension. Toward a New Economics*, New York: Free Press.
- Glyn A. (2006) *Capitalism Unleashed. Finance Globalization and Welfare*, Oxford: Oxford University Press.
- Goldthorpe J. (1978) The Current Inflation. Towards a Sociological Account. *The Political Economy of Inflation* (eds. F. Hirsch, J. Goldthorpe.), Cambridge, MA: Harvard University Press, pp. 186–216.
- Gorz A. (1967) *Zur Strategie der Arbeiterbewegung im Neokapitalismus*, Frankfurt/M.: Europäische Verlagsanstalt (in German).
- Gorz A. (1974) *Kritik der Arbeitsteilung*, Frankfurt/M.: Fischer (in German).
- Habermas J. (1969) *Technik und Wissenschaft als Ideologie*, Frankfurt/M.: Suhrkamp (in German).
- Habermas J. (1973) *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*, Frankfurt/M.: Suhrkamp;
- Habermas J. (1975) *Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus*, Frankfurt/M.: Suhrkamp (in German).
- Judt T. (2005) *Postwar: A History of Europe Since 1945*, London: Penguin.
- Kerr C. Dunlop J. T., Harbison F. H., Myers Ch. A. (1960) *Industrialism and Industrial Man. The Problems of Labor and Management in Economic Growth*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lockwood D. (1964) Social Integration and System Integration. *Explorations in Social Change* (eds. G. K. Zollschan, W. Hirsch), London: Houghton Mifflin, pp. 244–257.
- Maslow A. (1943) A Theory of Human Motivation. *Psychological Review*, vol. 50, no 4, pp. 370–396.
- O'Connor J. (1972) Inflation, Fiscal Crisis, and the American Working Class. *Socialist Revolution*, vol. 2, no 2, pp. 9–46.
- O'Connor J. (1973) *The Fiscal Crisis of the State*, New York: St. Martin's.
- OECD (2012) Public Expenditure on Active Labour Market Policies. *Employment and Labour Markets: Key Tables from OECD Economic Outlook: Statistics and Projections*, no 9.
- Offe C. (1970) Leistungsprinzip und industrielle Arbeit. Mechanismen der Statusverteilung in Arbeitsorganisationen der industriellen "Leistungsgesellschaft", Frankfurt/M.: Europäische Verlagsanstalt (in German).

- Offe C. (1972) *Strukturprobleme des kapitalistischen Staates. Aufsätze zur politischen Soziologie*, Frankfurt/M.: Campus (in German).
- Offe C. (1975) *Berufsbildungsreform. Eine Fallstudie über Reformpolitik*, Frankfurt/M.: Suhrkamp (in German).
- Offe C. (2006) Erneute Lektüre. Die “Strukturprobleme” nach 33 Jahren. *Strukturprobleme des kapitalistischen Staates. Veränderte Neuausgabe* (ed. J. Borchert), Frankfurt/M.: Campus, pp. 181–196 (in German).
- Pollock F. (1975) *Stadien des Kapitalismus*, München: C. H. Beck (in German).
- Pollock F. (1981 [1941]) Staatskapitalismus. *Wirtschaft, Recht und Staat im Nationalsozialismus* (eds. H. Duiel, A. Söllner), Frankfurt/M.: Europäische Verlagsanstalt, pp. 81–109 (in German).
- Raithel T., Rödder A., Wirsching A. (eds) (2009) *Auf dem Weg in eine neue Moderne? Die Bundesrepublik Deutschland in den siebziger und achtziger Jahren*, München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag (in German).
- Ruggie J.G. (1982) International Regimes, Transactions and Change: Embedded Liberalism in the Postwar Economic Order. *International Organization*, vol. 36, no 2, pp. 379–399.
- Schäfer A. (2009) Krisentheorien der Demokratie. Unregierbarkeit, Spätkapitalismus und Postdemokratie. *Der moderne Staat*, no 2, pp. 159–183 (in German).
- Schor J. (1992) *The Overworked American: The Unexpected Decline of Leisure*, New-York: Basic Books.
- Schumpeter J. A. (1953 [1918]) Die Krise des Steuerstaaten. (Hg.) *Aufsätze zur Soziologie* (ed. J. A. Schumpeter), Tübingen: Mohr Siebeck, pp. 1–71 (in German).
- Schumpeter J. A. (2006 [1912]) *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*, Berlin: Duncker & Humblot (in German).
- Shefrin H. (2002) *Beyond Greed and Fear: Understanding Behavioral Finance and the Psychology of Investing*, Oxford: Oxford University Press.
- Shonfield A. (1965) *Modern Capitalism: The Changing Balance of Public and Private Power*, London; New York: Oxford University Press.
- Streeck W. (2009) *Flexible Employment, Flexible Families, and the Socialization of Reproduction*. MPIfG Working Paper 09/13, Cologne: Max Planck Institute for the Study of Societies.
- Streeck W. (2012) The Politics of Consumption. *New Left Review*, vol. 76, pp. 27–47.
- Wright E.O. (1985) *Classes*, London: Verso.

Received: March 12, 2019

Citation: Streeck W. (2019) Kuplennoe vremya. Otsrochennyy krizis demokraticeskogo kapitalizma [Buying Time. The Delayed Crisis of Democratic Capitalism (excerpts)], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 20, no 2, pp. 83–103. doi: 10.17323/1726-3247-2019-2-86-103 (in Russian).